

ПУШКИНЪ ВЪ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРѢ.

(Продолженіе).

Въ числѣ людей, имѣвшихъ несомнѣнное вліяніе на Пушкина въ первомъ періодѣ его петербургской жизни, мы назвали два имени—Чаадаева и Карамзина. Отношенія поэта къ этимъ людямъ, столь непохожимъ одинъ на другого, заслуживаютъ вниманія. При тѣхъ особенныхъ, своеобразныхъ условіяхъ, въ какія было поставлено развитіе нашей литературы въ первой половинѣ текущаго столѣтія, въ русскомъ обществѣ никогда не переводились люди, которые своею высокою личностью имѣли на современниковъ чрезвычайно сильное и благотворное вліяніе, а между тѣмъ въ литературѣ оставили по себѣ лишь весьма скромный и невыразительный слѣдъ. Это, говоря словами Некрасова, тѣ два-три человѣка, которые „выносятъ на своихъ плечахъ“ все поколѣніе. Таковъ былъ Н. В. Станкевичъ; таковъ былъ Т. Н. Грановскій; первымъ по времени въ ряду этихъ людей стоитъ П. Я. Чаадаевъ. Просвѣщенный умъ, художественное чувство, благородное сердце, открытое для всего высокаго,—вотъ тѣ качества, которыя всѣхъ къ нему привлекали; по словамъ писателя совершенно иной школы,—по словамъ Хомякова,—Чаадаевъ былъ особенно дорогъ тѣмъ, что въ „такое время, когда мысль, повидимому, погружалась въ тяжкій и невольный сонъ, онъ и самъ бодрствовалъ, и другихъ побуждалъ,—тѣмъ, что въ сгущающемся сумракѣ того времени онъ не давалъ потухать лампадѣ, и игралъ въ ту игру, которая извѣстна подъ именемъ: „живъ курилка“. Есть эпохи, въ которыя такая игра есть уже большая заслуга“... *) Съ Чаадаевымъ Пушкинъ близко сошелся еще въ бытность свою въ Лицеѣ, и съ тѣхъ поръ на всю жизнь сохранилъ къ нему чувство самаго искренняго дружескаго расположенія. Продолжительныя и горячія бесѣды, несомнѣнно оставившія слѣдъ въ душѣ Пушкина, романтическія мечты о свободѣ и о служеніи благу родины, одинаковые литературные вкусы—вотъ что со-

---

*) Хомяковъ. Сочиненія, I, 720,

единяло обоихъ друзей, и вотъ какъ самъ Пушкинъ говорить о значеніи этой дружбы въ знаменитомъ посланіи къ Чаадаеву изъ Кишинева, 1821 г. (I, 242):

Въ глубину души вникая строгимъ взоромъ,
Ты оживлялъ ее совѣтомъ иль укоромъ;
Твой жаръ воспламенялъ къ высокому любовь;
Терпѣнье смѣлое во мнѣ рождалось вновь;
Ужъ голосъ клеветы не могъ меня обидѣть:
Умѣлъ я презирать, умѣя ненавидѣть...

Во-время узнавъ объ угрожавшей Пушкину опасности, Чаадаевъ бросился къ Карамзину и успѣлъ уговорить его вступить за поэта. Воспоминаніе объ этой дружеской услугѣ также, конечно, было дорого Пушкину:

Въ минуту гибели надъ бездною потаенной,
Ты поддержалъ меня недремлющей рукой...

На листкѣ, случайно сохранившемся отъ дневника, который Пушкинъ велъ въ Кишиневѣ, набросаны слѣдующія строки: „Получилъ письмо отъ Чаадаева. Другъ мой, упреки твои жестоки и несправедливы: никогда я тебя не забуду. Твоя дружба мнѣ замѣнила счастье, — одного тебя можетъ любить холодная душа моя“. По всей вѣроятности, дѣло идетъ объ отвѣтѣ Чаадаева на одно изъ писемъ Пушкина, который именно въ это время жаловался, что петербургскіе друзья относятся къ нему слишкомъ невнимательно. Изъ дальнѣйшаго видно, что Чаадаевъ не получилъ нѣсколькихъ писемъ Пушкина; подобные случаи нерѣдко бывали въ это время въ почтовой перепискѣ поэта, и однажды даже вызвали у него энергическое восклицаніе по адресу любителей чужой переписки (VII, 28). Весьма вѣроятно, что именно къ Чаадаеву относится и отрывокъ письма, сохранившійся на томъ же листкѣ кишиневскаго дневника: „Мой достойный наставникъ, смѣлый, ѣдкій, злой, — но этого еще не достаточно, нужно быть жестокимъ, тираномъ, мстительнымъ; къ этому-то я и прошу васъ привести меня“, и т. д. (VII, 25). О перепискѣ по поводу извѣстной статьи Чаадаева мы будемъ говорить впослѣдствіи.

Съ своей стороны, и Чаадаевъ, уже долгое время спустя послѣ смерти поэта, съ теплымъ чувствомъ вспоминалъ о дружбѣ Пушкина. „Эта дружба, говорилъ онъ, принадлежитъ къ лучшимъ годамъ жизни моей, къ тому счастливому времени, когда каждый мыслящій человѣкъ питалъ живое сочувствіе ко всему доброму, какого бы цвѣта оно ни было, когда каждая разумная и безкорыстная мысль чтилась выше самаго безкорыстнаго поклоненія прошедшему и будущему...“ *).

Инымъ характеромъ отличались отношенія Пушкина къ Карамзину и Жуковскому. Молодой поэтъ съ дѣтства привыкъ уважать этихъ людей, какъ друзей своего отца и какъ дарови-

*) Письмо къ С. П. Шевыреву, „Вѣстн. Европы“ 1871, XI, 343.

тыхъ писателей, внесшихъ новое слово въ русскую литературу. Въ Карамзинѣ онъ видѣлъ прежде всего—преобразователя русскаго языка и слога и, вмѣстѣ съ другими членами „Арзамаса“, ратовалъ противъ его литературныхъ антагонистовъ; затѣмъ, когда въ 1818 г. появились первые восемь томовъ „Исторіи государства російскаго“, Пушкинъ высоко оцѣнилъ въ этомъ трудѣ „не только созданіе великаго писателя, но и подвигъ честнаго человѣка“, уединившагося въ ученый кабинетъ во время самыхъ лестныхъ успѣховъ, и посвятившаго цѣлыхъ 12 лѣтъ жизни безмолвнымъ и неутомимымъ трудамъ (V, 41). Впослѣдствіи Пушкинъ горячо отстаивалъ исторію Карамзина противъ нападокъ Полеваго, и посвятилъ памяти исторіографа свою „Комедію о царѣ „Борисѣ“,—„трудъ, гениемъ его вдохновенный“. Озлобленіе противъ редактора „Вѣстника Европы“ Каченовскаго, вызвавшее у Пушкина столько рѣзкихъ эпиграммъ, въ значительной степени объясняется нападками придирчиваго критика на Исторію Карамзина.

Впрочемъ, уже при появленіи „Исторіи“ Пушкинъ видѣлъ ея слабыя стороны, и далеко не безусловно передъ нею преклонялся. Въ отрывкахъ изъ своей автобіографіи, говоря о толкахъ, вызванныхъ появленіемъ „Исторіи“, Пушкинъ вспоминаетъ, что основная мысль карамзинскаго труда вызвала негодованіе среди „молодыхъ якобинцевъ“—будущихъ декабристовъ, которые пародировали Тита Ливія слогомъ Карамзина. Конечно, подъ вліяніемъ этихъ якобинцевъ Пушкинъ написалъ извѣстную свою эпиграмму: „Въ его Исторіи изящность, простота“, о которой онъ замѣчаетъ: „Мнѣ приписали *одну изъ лучшихъ русскихъ эпиграммъ*“. Впрочемъ, онъ тутъ же и сознается, что эта эпиграмма—не лучшая черта его жизни: конечно, потому, что она была написана въ минуту личнаго неудовольствія противъ исторіографа. „Карамзинъ меня отстранилъ отъ себя, глубоко оскорбивъ и мое честолюбіе (самолюбіе?), и мою сердечную къ нему приверженность“, писалъ Пушкинъ по этому поводу, много лѣтъ спустя: „до сихъ поръ не могу объ этомъ хладнокровно вспомнить“ (VI, 182). Размолвка, можетъ быть, была вызвана однимъ изъ тѣхъ споровъ, о которыхъ Пушкинъ рассказываетъ въ своихъ запискахъ: Карамзинъ защищалъ „свои любимые парадоксы“ о русской государственности, противъ которыхъ Пушкинъ горячо возражалъ.

Вообще, Карамзинъ относился къ молодому Пушкину очень благосклонно и снисходительно, смотрѣлъ на него, какъ на увлекающагося юношу, въ шутку называлъ либераломъ, но при случаѣ не прочь былъ „отечески“ пожурить его за ту или другую выходку, показавшуюся уже слишкомъ неумѣстной. Большая разница въ годахъ и въ общественномъ положеніи не могла не сказываться, не смотря на сдержанность и добродушіе Карамзина. Заступаясь за Пушкина по просьбѣ Чаадаева, Карам-

зинъ объявилъ, что дѣлаеть это „въ послѣдній разъ“, и взялъ съ поэта слово—по крайней мѣрѣ два года ничего не писать противъ правительства. Этимъ и закончились личныя сношенія Пушкина съ Карамзинымъ, который, по словамъ поэта, въ послѣдніе годы своей жизни былъ ему уже совершенно чуждъ (VII, 258). Высоко уважая его, какъ писателя, Пушкинъ все болѣе и болѣе отдалялся отъ него, какъ отъ человѣка.

Обстоятельства, непосредственно предшествовавшія ссылкѣ Пушкина, довольно извѣстны; мы напомнимъ здѣсь только то, что говорилъ объ этомъ времени, пять лѣтъ спустя, онъ самъ, въ черновомъ наброскѣ прошенія къ Государю (VII, 131—132). Въ обществѣ распространился слухъ, будто Пушкинъ былъ высѣченъ въ тайной канцеляріи,—слухъ, приведшій поэта въ крайнее отчаяніе. „Я считалъ себя погибшимъ въ глазахъ общества, говоритъ онъ,—я готовъ былъ на все, и думалъ,—не долженъ ли я убить себя“... Чаадаевъ совѣтовалъ своему молодому другу оправдаться передъ правительствомъ; но Пушкинъ, сознавая бесполезность оправданій, рѣшилъ, напротивъ, поступать такъ, чтобы вызвать со стороны правительства суровыя мѣры: „я жаждалъ Сибири или крѣпости, какъ возстановленія чести“, говоритъ онъ, объясняя свое тогдашнее поведеніе. Благодаря Карамзину и Жуковскому, дѣло кончилось иначе; Пушкина отправили на югъ, къ генералу Инзову, причемъ даже въ официальной, высочайше утвержденной бумагѣ похвалили „величайшія красоты концепціи и слога“ въ той самой „Одѣ на вольность“, которая была одною изъ причинъ ссылки поэта!..

Первое время ссылки было для Пушкина вовсе не тягостно. Случайная встрѣча съ семействомъ Раевскихъ, путешествіе съ ними на Кавказъ, жизнь въ Крыму, и у Давыдовыхъ въ Каменкѣ,—все это дало поэту много новыхъ впечатлѣній, а новые люди, встрѣченные имъ здѣсь, скоро заставили его позабыть своихъ петербургскихъ пріятелей изъ круга „золотой молодежи“, — добрыхъ малыхъ, но совершенно беззаботныхъ насчетъ литературы и умственныхъ интересовъ; къ тому же, и сами эти пріятели не особенно старались напоминать ему о себѣ: „преданный мгновенно, мало заботился я о толкахъ петербургскихъ“, писалъ Пушкинъ объ этомъ времени. „Общество наше—разнообразная и веселая смѣсь умовъ оригинальныхъ, людей извѣстныхъ въ нашей Россіи, любопытныхъ для незнакомаго наблюдателя. Женщинъ мало, много шампанскаго, много острыхъ словъ, много книгъ, немного стиховъ...“ Но послѣ этого оживленнаго *intermezzo* еще болѣе мрачною и душною должна была показаться юношѣ-поэту жизнь въ пустынной для него Бессарабіи, гдѣ онъ скоро почувствовалъ всю тяжесть одиночества. Единственнымъ развлеченіемъ становятся для него шутки надъ полу-азіатами, молдаванскими „куконами“ и разныя шалости, за которыя Инзовъ такъ часто сажалъ его подъ арестъ;

единственною отрадою—переписка съ петербургскими друзьями изъ круга литературнаго—съ братомъ, съ кн. Вяземскимъ, Гнѣдичемъ, Дельвигомъ, Плетневымъ. Литературные интересы пробуждаются въ немъ съ новою силою; онъ начинаетъ внимательно слѣдить за журналами и вообще много читаетъ, стараясь

вознаградить въ объятіяхъ свободы
Мятежной младостью утраченные годы,
И въ просвѣщеніи стать съ вѣкомъ наравнѣ.

Онъ перечитываетъ критическія статьи, вызванныя появленіемъ „Руслана и Людмилы“, пишетъ на нихъ замѣчанія, задаетъ вопросы, освѣдомляется о судьбѣ своихъ стихотвореній, посланныхъ въ Петербургъ, беспокоится насчетъ цензуры, проситъ высылать ему журналы, книги, стихи. Грустное чувство одиночества, горькое разочарованіе въ людяхъ, для которыхъ поэтъ пѣлъ свои вольнолюбивыя пѣсни, и которые съ такимъ робкимъ эгоизмомъ отвернулись отъ него, когда средь „оргій жизни шумной“ его постигнулъ остракизмъ, презрѣніе къ этому пустому обществу, связанному предразсудками, состоящему изъ людей корыстныхъ или самодовольныхъ глупцовъ—вотъ преобладающій мотивъ душевнаго настроенія Пушкина въ годы его кишиневской жизни:

Пиры, любовницы, друзья
Исчезли съ милыми мечтами;
Одинъ, одинъ остался я!
Померкла молодость моя
Съ ея невѣрными дарами...

Я говорилъ предъ хладною толпой;
Но для толпы ничтожной и глухой
Смѣшонъ гласъ сердца благородный,—
Я замолчалъ...

Вездѣ яремъ, сѣкира иль вѣнецъ,
Вездѣ злобный иль малодушный,
Предразсужденья—
Тиранъ,—льстець,
Предразсуждений рабъ послушный... (I, 257).

Этому настроенію вполне соответствовалъ мрачный, разочарованный тонъ поэзіи Байрона, съ которою Пушкинъ познакомился въ это время, и которая слишкомъ сильно задѣвала струны его собственнаго сердца, чтобы не отразиться въ его произведеніяхъ. Въ эту пору былъ написанъ „Кавказскій Плѣнникъ“, первая поэма Пушкина, въ которой сильно сказалось байроновское вліяніе и, вмѣстѣ съ тѣмъ, выразились личныя чувства самого автора. Пушкинъ самъ указываетъ на эту личную сторону поэмы. „Характеръ Плѣнника неудаченъ, говоритъ онъ въ письмѣ къ В. П. Горчакову (VII, 25): это доказываетъ, что я

не могу въ герои романтическаго стихотворенія. Я въ немъ хотѣлъ изобразить равнодушіе къ жизни и къ ея наслажденіямъ, эту преждевременную старость души“... Сознавая всѣ недостатки своего произведенія, поэтъ все-таки прибавляетъ: „люблю его, самъ не зная за что; въ немъ есть стихи моего сердца“ (VII, 30). И дѣйствительно, нельзя не признать именно такими стихами, на примѣръ, слѣдующіе:

Въ сердцахъ друзей нашедъ измѣну,
Въ мечтахъ любви—безумный сонъ,
Наскучивъ жертвой быть привычной
Давно презрѣнной суеты,
И непрязни двуязычной,
И простодушной клеветы,
Огступникъ свѣта, другъ природы,
Повинулъ онъ родной предѣлу
И въ край далекій полегѣлъ
Съ веселымъ призракомъ свободы.

Свобода! онъ одной тебя
Еще искалъ въ подлунномъ мірѣ;
Страстями сердца погубя,
Охолодѣвъ къ мечтамъ и къ лирѣ.
Съ волненіемъ пѣсни онъ внималъ,
Одушевленныхъ тобою,
И съ вѣрой, съ пламенной мольбой
Твой гордый идолъ обнималъ. (II, 280).

Байронизмъ и романтическія мечты о свободѣ отразились также и въ отношеніяхъ Пушкина къ греческому возстанію, въ то время только что начинавшемуся, и къ карбонарскому движенію итальянцевъ. Восторженно привѣтствуя эти политическія движенія (особенно греческое), Пушкинъ готовъ былъ видѣть въ нихъ, по примѣру Байрона, зарю новой жизни для Европы, воскресеніе свободы, повсюду подавленной реакцію Священнаго Союза:

Ужель надежды лучъ исчезъ?
Но нѣтъ,—мы счастьемъ насладимся,
Кровавой чашей причастимся—
И я скажу: Христосъ воскресъ! (VII, 21).

Скоро, однако же, Prismotрѣвши поближе къ греческому возстанію и его вождямъ, Пушкинъ сталъ разочаровываться. „Дѣло Греціи меня живо трогаетъ, писалъ онъ въ 1823 году: вотъ почему я и негодую, видя, что на долю этихъ несчастныхъ (misérables) выпала священная обязанность быть защитниками свободы“. (VII, 67). А еще годъ спустя, онъ отзывался о грекахъ еще рѣзче: „Греція мнѣ огадила... Іезуиты натоковали намъ о Фемистоклѣ и Периклѣ, и мы вообразили, что пакостный народъ, состоящій изъ разбойниковъ и лавочниковъ, есть законнорожденный ихъ потомокъ и наслѣдникъ ихъ школьной

славы...“ (VII, 80). Съ отъѣздомъ изъ Одессы, Пушкинъ, какъ будто бы, совсѣмъ пересталъ интересоваться греческимъ вѣдѣніемъ; по-крайней-мѣрѣ, ни въ его сочиненіяхъ, ни въ перепискѣ мы не встрѣчаемъ уже ни слова о Греціи, даже и тогда, когда она уже завоевала себѣ свободу и политическую самостоятельность. Такимъ образомъ, мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что увлеченіе Греціей было только подсказано Пушкину Байрономъ, отъ котораго онъ, по собственному его выраженію, въ то время „съ ума сходилъ“ (V, 121), и прошло безслѣдно, когда Пушкинъ пережилъ свой байронизмъ.

Годы кишиневской и затѣмъ одесской жизни поэта были для него вообще эпохою „бурныхъ стремленій“, своего рода Sturm-und Drang-Periode, полнымъ противорѣчій и разочарованій. Сближеніе съ Александромъ Раевскимъ, который своимъ холоднымъ, скептическимъ умомъ, и беспощадною критикою дѣйствительности во многомъ напоминалъ Чаадаева, конечно, не мало содѣйствовало развитію въ Пушкинѣ отрицательнаго взгляда на жизнь; не даромъ же поэтъ посвятилъ своему другу стихотвореніе „Демонъ“:

Онъ звалъ прекрасное мечтою,
Онъ вдохновенье презиралъ,
Не вѣрилъ онъ любви, свободѣ,
На жизнь насмѣшливо глядѣлъ...

Въ объясненіи къ этому стихотворенію онъ говоритъ, что „въ лучшее время жизни сердце, не охлажденное опытомъ, доступно для прекраснаго, легковѣрно и нѣжно; мало-по-малу вѣчныя противорѣчія существенности (т. е. противорѣчія дѣйствительности съ идеаломъ) рождаютъ въ немъ сомнѣніе: чувство мучительное, но не продолжительное... Оно исчезаетъ, уничтоживъ наши лучшіе и поэтическіе предразсудки души...“ (II, 292). Неудовлетворенность окружающею жизнью и вмѣстѣ съ тѣмъ исканіе какихъ-нибудь положительныхъ нравственныхъ основъ для дальнѣйшаго существованія—вотъ сущность того душевнаго процесса, какой переживалъ въ то время Пушкинъ на переходѣ отъ юношества къ болѣе зрѣлому возрасту,—этого „логическаго романа“, который неизбежно переживается каждымъ мыслящимъ человѣкомъ. Эти блужданія оставили яркій слѣдъ въ литературной дѣятельности поэта. Онъ то увлекается байроновскими героями и рисуеть Гирея, надъ которымъ такъ смѣялся А. Раевскій *), то возвращается къ темѣ „Руслана“ и создаетъ планъ фантастической поэмы изъ древне-русскаго міра, но по манерѣ Аріосто (дѣйствующія лица—Илья Муромецъ, Мстиславъ и косоожская царевна-амазонка Армида, см.

*) „Молодые писатели вообще не умѣютъ изображать физическія движенія страстей. Ихъ герои всегда содрогаются, хохочутъ дико, скрежещутъ зубами и пр. Все это смѣшно, какъ мелодрама“,—писалъ Пушкинъ въ 1830 году (V, 121).

II, 320), то мечтаетъ о поэмѣ или драмѣ „Вадимъ“, — на этотъ разъ, конечно, подъ влияніемъ своихъ друзей-декабристовъ (и въ особенности — Рылѣева), которые идеализировали легендарнаго представителя древне-славянскоѣ вольности; задумываетъ другую поэму (а можетъ быть драму) изъ эпохи стрѣлецкаго бунта, но вовсе не политическаго содержанія, (см. II, 320—321); издѣваясь надъ вошедшимъ въ моду ханжествомъ, пишетъ поэму въ стилѣ Вольтера и Парни, полную крайняго релігіознаго вольнодумства, и въ то же время обаятельную по прелести стиха (II, 342); наконецъ, опять возвращается къ Байрону и сначала въ лицѣ Онѣгина изображаетъ „москвича въ гарольдовомъ плащѣ“, а затѣмъ даетъ, въ лицѣ Алеко, типъ, въ которомъ съ особенною рельефностью отразились наиболѣе характерныя черты байроновскихъ героев — презрѣніе къ людямъ съ ихъ рабскою и безнравственною цивилизаціею и стремленіе къ простой, безыскусственной природѣ. Припомнимъ монологъ Алеко, — его обращеніе къ сыну:

Рости на волѣ, безъ уроковъ,
 Не знай стѣснительныхъ палатъ
 И не мѣняй простыхъ пороковъ
 На образованный развратъ...

Поэтъ не пожалѣлъ мрачныхъ красокъ для этой ничтожной и пустой толпы, называющей себя „обществомъ“, для этихъ людей, которые „любви стыдятся, мысли гонятъ — и просятъ денегъ да цѣпей“: это — не болѣе, какъ стадо, которому не нужны дары свободы, котораго не пробудитъ призывъ чести, и среди котораго „свѣтатель свободы“ только напрасно сталъ бы терять время, благія мысли и труды. Если и уцѣлѣла гдѣ нибудь, случайно, „капля блага“, то она все-таки, недоступна: „тамъ на стражѣ — иль про-свѣщенъе (т. е. образованный развратъ), иль тиранъ“...

Тотъ же безоградный взглядъ высказывается и въ наставленіяхъ Пушкина своему младшему брату: „будь о людяхъ всегда самаго худшаго мнѣнія; не суди о нихъ по внушеніямъ своего добраго и благороднаго сердца, которое еще очень молодо; презирай ихъ какъ можно вѣжливѣе... Со всѣми будь холоденъ“, и пр. *).

Впрочемъ, поэтъ уже сознавалъ, что въ этомъ отчужденіи отъ людей главная роль принадлежитъ эгоизму, и высказалъ это въ поучительномъ обращеніи стараго цыгана къ Алеко:

Ты для себя лишь хочешь волн...

Отрицательное міровоззрѣніе не удовлетворяло Пушкина; онъ чувствовалъ, что оно оставляетъ пустоту въ сердцѣ, и что жизнь безъ положительныхъ цѣлей и стремленій не имѣетъ цѣны; что если человѣкъ дѣйствительно хочетъ воли, то долженъ хотѣть

*) VII, 43, письмо № 32. Въ изданіи Ф. я отнесъ это письмо къ 1882 году; но, кажется, его слѣдуетъ отнести на годъ или на два позднеѣ. II. М.

ея не для себя только, но и для другихъ. Но что значить хотѣть воли, и что можетъ дать ее? Вотъ основной вопросъ, отрѣшенія котораго зависитъ вся дальнѣйшая дѣятельность на поприщѣ общественномъ,—а поэтъ уже сознавалъ себя общественнымъ дѣятелемъ, и во время своихъ вольныхъ и невольныхъ скитаній по Россіи могъ воочию убѣдиться, какъ высоко его цѣнятъ и какъ много ждуть отъ него всѣ грамотные люди. Идеаль „просвѣщенной свободы“, о которомъ онъ мечталъ въ юности, подсказывалъ ему средство для достиженія этой высокой цѣли—въ просвѣщеніи, въ „пробужденіи добрыхъ чувствъ“; работать въ этомъ направленіи—на поприщѣ, на которое онъ былъ призванъ, на поприщѣ литературы,—Пушкинъ и считалъ нравственною обязанностью писателя, который, по его словамъ, долженъ быть всегда впереди, и не впадать въ малодушіе при неудачахъ. Этому идеалу онъ и остался вѣренъ впродолженіе всей своей жизни. Но по свойствамъ своего характера онъ далеко не былъ тѣмъ, что называется „цѣльной натурой“: русская жизнь вообще, а въ его время въ особенности, вовсе не благопріятствовала выработкѣ такихъ цѣльныхъ натуръ, людей *aus einem Guss* (много ли подобныхъ типовъ представляетъ и теперь наша литература?). Оттого-то, въ минуты вдохновеннаго творчества, въ немъ часто пробуждались прежнія сомнѣнія, вносили въ его душу разладъ, приводили къ разочарованію, заставляли замыкаться въ самомъ себѣ, и съ презрѣніемъ подобно Алеко отвергиваться отъ толпы, равнодушной къ усиліямъ литературы:

Къ чему стадамъ дары свободы?

Ихъ должно рѣзать или стричь... (1823).

.....

Въ развралѣ каменѣйте смѣло,

Не оживитъ васъ лиры гласъ! (1828).

Затѣмъ въ поэтѣ снова воскресала вѣра и снова звала его „въ набѣги просвѣщенія, на приступы образованности“, къ борьбѣ на литературной аренѣ, которую онъ такъ сильно желалъ и такъ тщетно пытался расширить. Такихъ противорѣчій, приливовъ и отливовъ, у Пушкина было немало. Чтобы правильно понять и оцѣнить ихъ, необходимо имѣть въ виду характеръ поэта, событія его личной жизни и общій духъ того времени, въ особенности же — тѣ условія, въ какія было поставлено тогда развитіе нашей литературы. Постараемся же взглянуть на тогдашнюю литературу съ точки зрѣнія Пушкина.

Тяжелымъ временемъ для русскихъ писателей была первая половина двадцатыхъ годовъ. „Литераторы, говоритъ Пушкинъ, вспоминая объ этой эпохѣ,—были оставлены на произволь цензурѣ своенравной и притѣснительной; *редкое сочиненіе доходило до печати*. Весь классъ писателей (классъ важный у насъ, ибо, по крайней мѣрѣ, составленъ онъ изъ грамотныхъ людей) перешелъ на сторону недовольныхъ. Правительство его

не хотѣло замѣчать, отчасти изъ великодушія, отчасти — изъ непростительнаго небреженія...“ (VII, 278) Между тѣмъ, въ обществѣ „либеральныя идеи сдѣлались необходимой вывѣской хорошаго воспитанія; подавленная литература превратилась въ рукописныя пасквили на правительство и въ возмутительныя пѣсни“ (V, 43). Подобно тому, какъ университетская наука связана была изумительными требованіями обскурантовъ, — и печати старались указать самыя тѣсныя предѣлы и подчинить ее самой тягостной опеке. По мѣткому выраженію поэта, литературу обратили въ гаремъ, а цензора — въ докучнаго евнуха. Извѣстный Магницкій ревностно сочинялъ и проводилъ въ практику свои проекты „борьбы съ лжеумствованіями“, — проекты, благодаря которымъ, изъ скуднаго умственнаго обихода русскаго общества, безпощадно вычеркивались цѣлыя области знанія. Сатиру, какъ говорить поэтъ, называли пасквилемъ, поэзію — развратомъ, гласъ правды — мятежомъ, Кюницына — Маратомъ... Понятно, что при такихъ условіяхъ печатная литература не могла имѣть значенія просвѣтительной общественной силы; тѣмъ большее значеніе получала литература рукописная, въ которой самое видное мѣсто занимали произведенія Пушкина:

...Пушкина стихи въ печачи не бывали,—
Что нужды? ихъ и такъ иные прочитали?

Любопытно, что рядомъ съ этими словами Пушкинъ поставилъ имя писателя, который впервые въ нашей литературѣ выступилъ съ горячимъ протестомъ противъ крѣпостнаго права:

Радищевъ, рабства врагъ, цензуры избѣжалъ.

То же имя вспомнилось ему двѣнадцать лѣтъ спустя, когда онъ говорилъ о своихъ заслугахъ передъ русскимъ обществомъ:

Вслѣдъ Радищеву возславилъ я свободу.

Дѣйствительно, идеалы обоихъ писателей были одинаковы. Какъ въ свое время книга Радищева жадно читалась въ рукописи, такъ и теперь стихи Пушкина въ сотняхъ и тысячахъ списковъ расходились по всѣмъ уголкамъ грамотной Россіи и, по свидѣтельству современниковъ, не было въ арміи прапорщика, который бы не зналъ ихъ наизусть. Увлечательные по формѣ, эти гармоническіе звуки, неслыханные до тѣхъ поръ на русскомъ языкѣ, содержаніемъ своимъ отвѣчали завѣтнымъ мечтамъ русскаго общества, и поэтъ едва ли много преувеличивалъ, говоря, что въ послѣднее пятилѣтіе александровскаго царствованія онъ имѣлъ на все сословіе литераторовъ гораздо болѣе вліянія, чѣмъ министерство народнаго просвѣщенія, не смотря на неизмѣримое неравенство средствъ (VII, 278).

Цензура — это больное мѣсто литературы того времени — составляетъ предметъ постояннаго, хоть иногда и невольнаго, вниманія Пушкина. Еще въ самомъ раннемъ изъ напечатанныхъ его стихотвореній, въ посланіи „Къ другу-стихотворцу“ (1814),

поэтъ, предостерегая своего друга отъ литературныхъ увлеченій, совѣтуетъ ему брать примѣръ съ человѣка, не чувствующаго охоты къ стихамъ, и не гуляющаго „по высотамъ Парнасса“: такой человѣкъ счастливъ, между прочимъ, уже и потому, что „его съ перомъ въ рукахъ *Рамаковъ* не страшить“. Въ имени Рамакова слѣдуетъ, кажется, видѣть анаграмму: „Мараковъ“ и намекъ на „марающую“ цензуру. Въ пѣсенкѣ „Noël“, въ числѣ сказокъ, которыя рассказываетъ „отецъ“, есть обѣщанія и насчетъ цензоровъ:

Лаврову дамъ отставку,
А Соца—въ желтый домъ...

Имена Бирукова „Грознаго“, Тимковскаго, впоследствии — Красовскаго, имѣвшіе для нашихъ писателей 20-хъ годовъ такое роковое значеніе,—можно сказать, не сходятъ у Пушкина съ языка:

Поклонникъ правды и свободы,
Бывало, что ни напишу,—
Все для иныхъ „не Русью пахнетъ“;
О чемъ цензуру ни прошу,—
Ото всего Тимковскій ахнетъ...

„Пишу теперь новую поэму... Бируковъ ея не увидитъ, за то что фи—дитя, блажной дитя“ (VII, 59). „Цензура наша такъ своенравна, что съ нею невозможно и размѣрить круга своего дѣйствія. Лучше объ ней и не думать“ (VII, 56), „Богатая мысль — напечатать „Наполеона“; да цензура... лучшія строфы потонуть“ (VII, 122). „Vale, sed delenda est censura“ (VII, 31).

Мелочныя придирки причиняли много непріятностей всѣмъ писателямъ, но Пушкину—въ особенности, потому что за нимъ, какъ за человѣкомъ явно неблагонамѣреннымъ, цензура считала нужнымъ смотрѣть внимательнѣе, чѣмъ за другими. Подозрительность ея простиралась даже на отдѣльныя слова: такъ, напримѣръ, ей не нравилось слово „вольнолюбивый“, не смотря на то, что по замѣчанію Пушкина, „оно такъ хорошо выражаетъ нынѣшнее libéral, и притомъ — слово прямо русское“ (VII, 24); не допускалось, въ стихотвореніи о земной любви, выраженіе: „небесный пламень“ (VII, 33). Въ „Кавказскомъ Пльнникѣ“ Бируковъ ни за что не соглашался пропустить два стиха о черкешенкѣ:

Не много радостныхъ ночей
Судьба на долю ей послала,—

находя ихъ крайне неприличными и требуя, чтобы было напечатано: „Немного радостныхъ ей дней судьба на долю ниспослала“. Такъ и напечатали въ первомъ изданіи поэмы, не смотря на возраженія Пушкина, что нельзя сказать ей *дней* въ концѣ стиха, и что днемъ черкешенка не видалась съ плѣнни-

комъ. „И чѣмъ же ночь неблагопрстойнѣе дня?—спрашивалъ поэтъ.—Которые изъ 24 часовъ именно противны духу нашей цензуры?“ (VII, 53). Эти и другія подобныя придирки нерѣдко вызывали у Пушкина очень энергическія выраженія (см. напр. VII, 82, о „Братьяхъ-разбойникахъ“) и заставляли его даже скрывать отъ цензуры свое имя: стихи его часто представлялись въ цензуру его друзьями, выдававшими ихъ за свои, и печатались безъ подписи: „старушку можно и должно обмануть,—писалъ поэтъ Бестужеву (VII, 32);—не называйте меня, а поднесите ей мои стихи подъ именемъ кого вамъ угодно; главное дѣло въ томъ, чтобы имя мое до нея не дошло, и все будетъ слажено“. Такимъ образомъ, поэтъ въ самомъ дѣлѣ былъ „последнихъ, жалкихъ правъ безъ милости лишень“, если для того, чтобы сберечь нѣсколько лишнихъ строчекъ въ томъ или другомъ стихотвореніи, ему приходилось отказываться отъ своего имени. Припомнимъ, наконецъ, его знаменитое „Первое посланіе къ цензору“ (I, 315), въ которомъ онъ такъ ярко изобразилъ печальное положеніе литературы и такъ энергично заявилъ требованіе просвѣщеннаго писателя:

На поприщѣ ума нельзя намъ отступать!

Но вотъ, въ 1824 году, во главѣ министерства народнаго просвѣщенія является человекъ, который хотя и слыветъ старовѣромъ, но выказываетъ рѣшимость разорвать съ прошедшимъ, и энергически приняться за новое дѣло. При всей исключительности въ взглядахъ и понятіяхъ Шишкова, онъ отличался неподкупною честностью своихъ убѣжденій и, не смотря на крайнее, зловѣщее раздраженіе обскурантовъ противъ пишущей братіи, требовалъ огражденія литературы отъ невѣжественнаго произвола ея суровыхъ опекуновъ. „Необходимо нужно,—говорилъ онъ,—чтобы цензура составлена была изъ немалого круга людей ученыхъ, честныхъ, благоразумныхъ, отъ которыхъ бы никакіе цвѣты не закрыли змѣю и, напротивъ, простая травка не казалась бы имъ змѣиными жалами... Слабая цензура будетъ пропускать вредныя внушенія, а строгая—не дастъ говорить ни уму, ни правдѣ. Не довольно имѣть строгую цензуру, но надобно, чтобы она была *умная* и *осторожная*“ *).

Подобныя мысли, естественно, располагали представителей тогдашней литературы въ пользу ветерана-писателя, которому было ввѣрено главное управленіе цензурою. Пушкинъ, во второмъ посланіи къ цензору, указывая на „Наказъ“ Екатерины, какъ на лучшій законъ для цензуры, горячо привѣтствовалъ Шишкова, именно какъ уцѣлѣвшаго свидѣтеля екатерининскаго времени, и вслѣдъ за нимъ повторялъ своему официальному цѣнителю: „Будь строгъ, но будь уменъ“. Но, соглашаясь, что

*) *Сухомлиновъ*, Матеріалы для исторіи образованія въ Россіи въ царствованіе императора Александра I. Вып. II, 204—205.

Шишковъ оживилъ нашу литературу, Пушкинъ, въ то же время, не могъ скрыть своего недовѣрія къ ея силамъ. „Жаль, — говоритъ онъ, — la soupe était pleine. Бируковъ и Красовскій невтерпежъ были глупы, своенравны и притѣснительны. Это долго не могло продолжаться... Я и радъ, и нѣтъ. Давно девизъ всякаго русскаго есть: *чѣмъ хуже, тѣмъ лучше*. Оппозиція русская, составившаяся изъ нашихъ писателей, какихъ бы то ни было, приходила уже въ какое-то нетерпѣнiе, которос я изподтишка поддразнивалъ, ожидая чего нибудь. А теперь, какъ позволятъ NN говорить своей любовницѣ, что она божественна, что у ней очи небесныя и что любовь есть священное чувство, — вся эта сволочь опять угомонится, журналы пойдуть вратъ своимъ чередомъ, чины своимъ чередомъ, Русь своимъ чередомъ...“ (VII, 79, 81).

Въ самомъ дѣлѣ, трудно было надѣяться на силы этой литературы, въ которой еще все нужно было творить, начиная съ языка и слога, и которой еще не доставало самосознанiя въ видѣ критики.

„Мы не имѣемъ ни единого комментарiя, ни единой критической книги“, писалъ Пушкинъ въ 1825 году. Литература кой-какая у насъ есть, а критики — нѣтъ. Эти слова, въ примѣненiи къ тѣмъ жидкимъ и безсодержательнымъ обзорамъ „россiйской словесности“, какiе появлялись въ журналахъ 20-хъ годовъ, были совершенно справедливы, такъ какъ авторы этихъ обзоровъ стояли далеко позади литературнаго движенiя. Представители стариннаго классицизма, эти строгiе литературные формалисты, ополчались на Пушкина за то, что онъ сразу и такъ рѣшительно отказался отъ преданiй школьной пiятики; они видѣли въ немъ главу новаго литературнаго направленiя, — того нечестиваго „романтизма“, отрицающаго пригодность тѣсныхъ рамокъ творчества, который казался имъ порожденiемъ сатанинскаго, революцiоннаго духа. Нежеланiе подчинять поэтическое вдохновенiе мелочнымъ правиламъ допотопной „науки стихотворства“ было въ глазахъ этихъ людей едва ли не равносильно отрицанiю всякихъ правилъ общественнаго порядка, то есть — полной нравственной распущенности, при которой, говоря словами одного изъ литературныхъ старовѣровъ, поэзия обращается въ вертепъ разбойниковъ. Упорно замыкаясь въ тѣсномъ кругу отжившихъ теорiй, критика 20-хъ годовъ, закоснѣлая въ сухомъ школьномъ педантизмѣ, продолжала твердить литературные зады и послѣдовательно договаривалась до положенiй самыхъ комическихъ. Дальше чисто-формальной, внѣшней точки зрѣнiя она и не хотѣла ничего видѣть, да и не могла ничего разглядѣть, и молодыя литературныя силы, сплотившіяся вокругъ Пушкина (кн. Вяземскiй, А. Бестужевъ и др.) только напрасно тратили свое остроумiе въ полемикѣ въ защиту новаго литературнаго направленiя, въ защиту свободы поэти-

ческаго творчества. Литературные „отцы и дѣти“ говорили на разныхъ языкахъ; они слишкомъ далеко расходились между собою въ воззрѣніяхъ на литературу—п какое бы то ни было соглашеніе представлялось, очевидно, невозможнымъ. Высокое художественное значеніе поэзіи Пушкина, точно такъ же, какъ и его идеи, оставалось непонятымъ и неощущеннымъ; поэтъ былъ совершенно правъ, говоря, что „у насъ критика не имѣетъ никакой самостоятельности, и почти никакого вліянія на судьбу литературныхъ произведеній“; она „можетъ представить нѣсколько отдѣльныхъ статей, исполненныхъ свѣтлыхъ мыслей и важнаго остроумія“; но эти статьи „являлись отдѣльно, на разстояніи одна отъ другой, и не получили еще вѣса и постоянного вліянія. Время ихъ еще не пришло“. Какъ на характерную особенность литературныхъ сужденій своего времени, Пушкинъ указываетъ на отсутствіе общихъ руководящихъ началъ и на бездоказательность: „Критики наши говорятъ обыкновенно: это хорошо, потому что прекрасно; а это дурно, потому что скверно. Отселѣ ихъ никакъ не выманишь“ (V, 108—112). Нѣтъ сомнѣнія, что русскіе читатели того времени въ отношеніи къ литературѣ стояли далеко впереди критики, и своимъ непосредственнымъ чутьемъ умѣли цѣнить выдающіяся произведенія гораздо вѣрнѣе своихъ журнальныхъ руководителей. То же явленіе повторилось, какъ мы увидимъ впоследствии, и въ 30-хъ годахъ, когда Пушкинъ выступилъ уже во всей силѣ и зрѣлости своего гениа, когда онъ явился, во главѣ блестящей плеяды молодыхъ писателей, творцомъ нашей новой литературы, и когда остатки отжившихъ теорій были практически уже совершенно упразднены изъ литературнаго обихода.

При такомъ положеніи нашей критики, Пушкинъ, конечно, имѣлъ право не считаться съ ея мнѣніями, не обращать на нихъ серьезнаго вниманія, и если отвѣчалъ своимъ „журнальнымъ пріятелямъ“, то только эпиграммами. Гораздо внимательнѣе относился онъ къ русской литературѣ, никогда не теряя вѣры въ ея будущность. Однимъ изъ важныхъ залоговъ будущаго развитія считалъ онъ отсутствіе въ нашей литературѣ той приниженности и лести, какою характеризуется, на примѣръ, литература французская, про которую Пушкинъ говорилъ, что она „родилась въ передней“. — „Мы можемъ праведно гордиться, писалъ онъ Бестужеву: наша словесность, уступая другимъ въ роскоши талантовъ, тѣмъ передъ ними отличается, что не носитъ на себѣ печати рабскаго униженія... Наши таланты благородны, независимы... О нашей лирѣ можно сказать, что Мирабо сказалъ о Сіесѣ: son silence est une calamité publique“ (VII, 127).

Независимость—вотъ что больше всего цѣнилъ Пушкинъ въ писателѣ, и чего онъ требовалъ для литературы вмѣстѣ съ признаніемъ свободы поэтическаго творчества. Но для того, чтобы

писатель могъ быть свободенъ и независимъ въ своей дѣятельности, необходимо, чтобы литература приобрѣла самостоятельное положеніе, чтобы она перестала быть пріятнымъ препровожденіемъ времени „въ досужные отъ занятій часы“, и сдѣлалась бы жизненнымъ дѣломъ и источникомъ существованія для цѣлаго класса людей, всецѣло отдающихъ ей свои силы. Наша литература 20-хъ годовъ далека еще была отъ такой самостоятельности. „Не должно русскихъ писателей судить, какъ иностранныхъ, говорить Пушкинъ: тамъ пишутъ для денегъ, а у насъ (кромѣ меня)—изъ тщеславія. Тамъ ѣсть нечего, такъ пиши книгу, а у насъ ѣсть нечего, такъ служи, да не сочиняй“ (VII, 171). Расширить кругъ читателей, вызвать въ обществѣ интересъ къ литературѣ, поставить ее, какъ службу общественную, наряду съ службой государственной, которая одна только и признавалась въ то время серьезнымъ дѣломъ, — вотъ въ чемъ видѣлъ Пушкинъ ближайшую цѣль литератора и, высоко цѣняя это званіе, самъ прежде другихъ и больше другихъ старался содѣйствовать возвышенію литературы. Изъ всѣхъ нашихъ писателей до Пушкина одинъ только Карамзинъ можетъ быть названъ литераторомъ въ нынѣшнемъ смыслѣ слова, потому что онъ посвятилъ себя исключительно литературному и научному труду, отъ котораго получалъ и средства къ жизни; онъ первый высказалъ мысль, что литература есть такое же серьезное и полезное занятіе, какъ и служба государственная и, вмѣстѣ съ тѣмъ, по выраженію Пушкина, „показалъ опытъ торговыхъ оборотовъ въ литературѣ“. Пушкинъ въ этомъ отношеніи явился прямымъ продолжателемъ Карамзина: подобно Карамзину, онъ считалъ авторство единственнымъ своимъ занятіемъ, своими произведеніями значительно увеличилъ число читателей и, смотря на литературу, какъ на великую силу образовательную, въ то же время видѣлъ въ ней и „видъ частной промышленности, покровительствуемой законами“ (VII, 278). Это покровительство законовъ должно прежде всего выразиться въ огражденіи права литературной собственности, которое, по отношенію къ Пушкину, очень часто и самымъ безцеремоннымъ образомъ нарушалось. Не говоря уже о мелкихъ стихотвореніяхъ, которыя безнаказанно перепечатывались альманашиками со списковъ, часто искаженныхъ, — одинъ чиновникъ III отдѣленія преспокойно перепечаталъ всего „Кавказскаго плѣнника“, прибавивъ къ поэмѣ нѣмецкій переводъ; Пушкинъ лишился такимъ образомъ трехъ тысячъ рублей, и нигдѣ не могъ найти управы на своевольнаго контрафактора. „Это былъ, говоритъ поэтъ, первый примѣръ плутовства“. За исключеніемъ „Исторіи“ Карамзина, которой 3000 экземпляровъ было раскуплено въ одинъ мѣсяць, ни одно сочиненіе не вызывало на нашемъ книжномъ рынкѣ такого спроса, какъ произведенія Пушкина; такимъ образомъ, онъ практически содѣйствовалъ и оживленію книжной торговли, и уста-

новленію понятія о литературной собственности. „Ради Бога, не думайте, говорилъ онъ, чтобъ я сталъ смотрѣть на стихотворство съ дѣтскимъ тщеславіемъ риемача, или какъ на отдохновеніе чувствительнаго человѣка; оно—просто мое ремесло, отрасль честной промышленности, доставляющая мнѣ пропитаніе и домашнюю независимость... Кромѣ независимости, я ничего не желаю, и увѣренъ, что при помощи мужества и терпѣнія, въ концѣ концовъ добьюсь ея. Я уже поборолъ въ себѣ неохоту писать стихи для продажи; самый важный шагъ, такимъ образомъ, уже сдѣланъ. Правда, я пишу подъ капризнымъ вліяніемъ вдохновенія; но разъ стихи написаны, я смотрю на нихъ уже только какъ на товаръ, по столько-то за штуку,—и не понимаю, отчего друзья мои этимъ смущаются... Мнѣ надоѣло зависѣть отъ хорошаго или дурнаго пищеваренія того или другого начальника,—я хочу принадлежать самому себѣ...“ (VII, 77, 77). „Смущеніе“ друзей Пушкина объясняется необычностью высказаннаго имъ взгляда на литературный трудъ, какъ на серьезную работу, которая должна быть оплачиваема. Они не могли понять, отчего Пушкинъ сердится за распространеніе его поэмъ въ рукописи раньше ихъ появленія въ печати; имъ казался страннымъ тонъ, какимъ дѣлалъ поэтъ свои предложенія журналистамъ: „Хотите ли вы у меня купить весь кусокъ поэмы („Кавказскій плѣнникъ“)? Длинною въ 800 стиховъ; стихъ шириною—4 стопы; разрѣзано на двѣ пѣсни. Дешево отдамъ, чтобы товаръ не залежался“ (VII, 25). Въ то время писатели почти не знали гонорара, да и заводить о немъ рѣчь считали неприличнымъ, говоря, что цѣнить вдохновеніе на деньги, значило—унижать драгоцѣнный даръ божества. Пушкинъ первый посмотрѣлъ на дѣло съ практической точки зрѣнія и прямо указалъ, что вдохновенное творчество—само по себѣ, а печать и книжная торговля—сами по себѣ:

Не продается вдохновенне,

Но можно рукопись продать,—

и не только можно, но и должно, потому что писатель такимъ образомъ удовлетворяетъ спросу публики, даетъ доходъ книгопродавцу и приобретаетъ средства, доставляющія ему независимость. Всѣ эти положенія, теперь уже для всякаго азбучнаго, въ то время нужно было еще серьезно доказывать и отстаивать,—и заслуга Пушкина въ этомъ отношеніи не подлежитъ спору. Онъ практически показалъ, что русскій писатель имѣетъ возможность добиться независимаго и почетнаго положенія въ обществѣ внѣ той узкой служебной сферы, которая въ тѣ времена считалась единственно возможнымъ поприщемъ дѣятельности. Онъ сознавалъ, что для того, чтобы представители литературы могли упрочить за собою такое положеніе, необходимо прежде всего поднять уровень самой литературы, и усилить интересъ къ ней въ обществѣ, слѣдовательно—сдѣлать это обще-

ство болѣ просвѣщеннымъ, развить въ немъ умственныя потребности. Въ этомъ и видѣлъ Пушкинъ ближайшую задачу русскаго писателя.

Такимъ образомъ, прежній романически-мечтательный идеаль „просвѣщенной свободы“ мало по малу принимаетъ для поэта опредѣленные очертанія, осязательную форму, соответствующую насущнымъ, жизненнымъ потребностямъ русской дѣйствительности; и высокая цѣль, и средства для ея достиженія все болѣ и болѣ выясняются.

При такомъ взглядѣ на положеніе и значеніе писателя, Пушкинъ, конечно, не могъ ужиться съ гр. Воронцовымъ, который не хотѣлъ видѣть въ немъ ничего другого, кромѣ коллежскаго секретаря, своего подчиненнаго, присланнаго на югъ для исправленія, и нерадиваго къ служебнымъ обязанностямъ. Положеніе Пушкина въ Одессѣ становилось все болѣ и болѣ тяжелымъ. Онъ, по собственнымъ его словамъ, „карабкался“, просился хоть на нѣсколько мѣсяцевъ въ Петербургъ,—но получилъ рѣшительные отказы. „О, други, августу мольбы мои несите!“ говоритъ онъ въ письмѣ къ брату, повторяя свой стихъ изъ посланія къ Овидію,—и тутъ же прибавляетъ: „но августъ смотритъ сентябремъ“ (VII, 43). „Ты не приказываешь жаловаться на погоду—въ августѣ мѣсяцѣ,—такъ и быть; а вѣдь непріятно сидѣть взаперти, когда гулять хочется“ (VII, 48). Въ началѣ 1824 года у поэта явилась даже мысль о побѣгѣ за границу: „Осталось одно, говоритъ онъ: писать прямо на его имя—такому-го въ З. Д., что напротивъ П. К.; не то—взять тихонько трость и шляпу и поѣхать посмотреть на Константинополь. Святая Русь мнѣ становится невтерпежъ“... То же мы видимъ и въ строфахъ первой главы „Онѣгина“:

Придетъ ли часъ моей свободы?
Пора, пора! взываю къ ней...
Пора покинуть скучный берегъ
Мнѣ непріязненной стихіи,
И средь полуденныхъ зыбей,
Подъ небомъ Африки моей,
Вдыхать о сумрачной Россіи...

Но исполненію этого плана помѣшала—любовь:

Могучей страстью очарованъ,
У береговъ остался я...

Эта же могучая страсть, надолго оставившая слѣды въ душѣ поэта, повидимому, ускорила и перемѣну въ его судьбѣ. Личныя отношенія Пушкина къ гр. Воронцову сдѣлались совсѣмъ невозможными, и поэтъ долженъ былъ отправиться „въ далекій сѣверный уѣздъ“.

Въ Михайловскомъ начинается для Пушкина новый періодъ дѣятельности. Заброшенный въ лѣсную глушь, лишенный общества, поэтъ отдаетъ все свое время занятіямъ литературнымъ,

погружается въ книги, въ изученіе русской старины, русскаго народнаго быта, ведетъ съ своими петербургскими друзьями непрерывную переписку обо всѣхъ вопросахъ текущей литературы, часто спорить съ ними, высказывая новыя мысли, чрезвычайно интересуется всѣмъ, что дѣлается въ литературѣ и, ничѣмъ не развлекаемый, посвящаетъ себя серьезному труду. Первое время жизни въ деревнѣ было для него крайне тяжело: „Я еще былъ молодъ, говорить онъ, вспоминая объ этомъ времени десять лѣтъ спустя, —

но уже судьба
 Меня борьбой неравной истомила;
 Я былъ ожесточенъ...
 Я былъ одинъ. Врага я видѣлъ въ каждомъ,
 Измѣнника—въ товарищѣ минутномъ,
 И бурныя влѣбли въ сердца чувства,—
 И ненависть, и грезы мести блѣдной...

Только упорный трудъ и поэтическое вдохновеніе помогли ему пережить эти тяжелые годы:

Поэзія, какъ ангель-утѣшитель,
 Спасла меня...

Талантъ поэта растетъ и крѣпнетъ съ каждымъ днемъ, пріобрѣтаетъ самобытность, и къ концу изгнаннической жизни является уже во всей своей силѣ и блескѣ. Биографы и критики Пушкина говорятъ обыкновенно, что уѣзжая изъ Одессы на сѣверъ, поэтъ простился съ властителемъ своихъ думъ, Байрономъ. Дѣйствительно, въ его вдохновенномъ обращеніи „Къ морю“ въ могучемъ аккордѣ слились характерные звуки байроновской лиры: любовь къ природѣ, разочарованіе въ людяхъ, ненависть къ тираниіи и ложному просвѣщенію. Англійскій поэтъ, несомнѣнно, имѣлъ на Пушкина сильное вліяніе; но подражателемъ Байрона нашъ поэтъ въ это время уже не былъ. Выше мы отмѣтили приговоръ Пушкина надъ своимъ Алеко, — это рѣшительное осужденіе безнадежнаго эгоизма байроновскихъ типовъ; съ каждымъ шагомъ впередъ, нашъ поэтъ все болѣе и болѣе отдѣлялся отъ Байрона, и при всемъ своемъ поклоненіи его гению, никогда не былъ ни его послушнымъ кліентомъ, ни его паразитомъ.

Черта, глубоко раздѣляющая обоихъ поэтовъ, объясняется національными особенностями того и другого. Баронъ былъ чистокровный англичанинъ, а Пушкинъ — не менѣе чистокровный русскій человекъ „петербургскаго періода“. Нашему поэту были близки и понятны всѣ страданія цивилизованнаго человека, поставленнаго жизнью въ дикія условія; — страданія, краснорѣчивымъ выразителемъ которыхъ явился Байронъ; но среди всѣхъ этихъ страданій его никогда не покидала *вѣра въ будущее*, вѣра въ народныя силы, которой у Байрона, человека западнаго, совсѣмъ уже не было. Байронъ, поэтъ великой и

свободной человѣческой личности, съ каждымъ шагомъ все больше и больше удаляется отъ общества, замыкается въ самомъ себѣ, въ своемъ гордомъ презрѣннн къ людямъ, становится все болѣе и болѣе мрачнымъ и безпощаднымъ въ своей иронн надъ человѣческой толпой. Онъ не видѣлъ въ будущемъ ничего свѣтлаго, никакой надежды, и, подавленный горькими думами, чувствуя отвращенн къ европейскому обществу, для казни котораго онъ не находилъ достаточно сильныхъ словъ, пожертвовалъ своею жизнью народу „разбойниковъ и лавочниковъ“, которыхъ онъ считалъ достойными преемниками древнихъ эллиновъ. Пушкинъ, напротивъ, все болѣе и болѣе сближается съ обществомъ, близко принимаетъ къ сердцу его интересы, становится выразителемъ его стремленнй, привязывается къ своему родному, національному и въ немъ ищетъ вдохновенн. Въ противоположность „поэту гордости“, Байрону, Пушкинъ уже съ явною ироннею относится къ разочарованному эгоизму:

Мы почитаемъ всѣхъ нулями,
А единицами—себя;
Мы всѣ глядимъ въ Наполеоны;
Двуногихъ тварей милліоны
Для насъ—орудн одно...

Это не было-то „смирненн“ передъ дѣйствительностью, которое наши славянофилскіе писатели старались возвести въ русскую національную добродѣтель, — потому что не могъ же, въ самомъ дѣлѣ, мыслящій человѣкъ и гениальный поэтъ примириться съ окружавшею его дѣйствительностью и добровольно подчиняться ея дикому складу; нѣтъ, это была только послѣдовательная смѣна прежняго отвлеченнаго, все отрицавшаго протеста другими, болѣе реальными стремленнми; это было желанн подойти поближе къ русской жизни, отыскать въ ней положительныя стороны, обѣщающія въ будущемъ перемѣну къ лучшему, уяснить самому себѣ тотъ путь, который могъ бы хоть нѣсколько приблизить общество къ осуществленн все того же завѣтнаго идеала; это была надежда на возможность воспользоваться существующими условнми жизни для того, чтобы дружною работою на поприщѣ просвѣщенн возвысить и облагородить эту жизнь. Наконецъ, съ точки зрѣнн чисто литературной, это было все болѣе и болѣе прояснявшееся сознанн той великой истины, что русская литература тогда только можетъ сдѣлаться могущею образовательною силою, когда она утратитъ свой отвлеченный характеръ и посвятитъ себя правдивому и живому изображенн жизни національной и народной. Въ этомъ направленн Пушкинъ началъ работать еще съ 1822 года, когда онъ набрасывалъ первые очерки „Онѣгина“, — произведенн, глубокое жизненное и національное значенн, котораго было оценено только долгое время спустя послѣ смерти поэта.

П. О. Морозовъ.